

Национально-политические взгляды М. П. Драгоманова 1888–1895 гг.*

Андрей Тесля

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского национального университета

Адрес: ул. Тихоокеанская, д. 136, г. Хабаровск, Российская Федерация 680035
E-mail: mestr81@gmail.com

Политические взгляды М. П. Драгоманова представляют существенный интерес с точки зрения изучения истории украинского национального движения в последней четверти XIX века, взаимодействия национальных движений между собой и с имперским центром, также теоретического осмысливания «национализма» с позиций анализа современных событий. Драгоманов являлся не только и даже не столько действующим политиком, сколько идеологом, претендующим на выработку теоретической рамки, позволяющей обосновать и объективно описать собственную деятельность и деятельность политических союзников и антагонистов. Драгоманов, с 1870-х ставший идеологом украинского «радикализма» (т. е. социализма), к концу 1880-х годов оказался в непривычной для него ситуации идеологического противостояния теперь уже не с велико/общерусскими националистами, имперцами и польскими националистами, а с собственно украинским национальным движением. В конце 1880-х — начале 1890-х Драгоманов публикует ряд работ, в которых обосновывает свое понимание «национального» и перспектив «украинства». Оценивая сепаратистские настроения, он настаивает, что без «мировой катастрофы» условия для возникновения самостоятельной украинской державы отсутствуют — и, следовательно, задача, стоящая перед украинским движением, заключается в изменении политico-административных порядков существующих государств, для чего ему надлежит предложить решения, привлекательные для большинства иных участников политической жизни. Для Российской империи подобной перспективой, согласно Драгоманову, выступает федеративное переустройство, дающее возможность на местном уровне реализовать национальные задачи, в зависимости от силы и зрелости национальных и/или местных движений. В этом, на его взгляд, заинтересованы не только «плебейские нации», но и собственно великорусское население.

Ключевые слова: Михаил Петрович Драгоманов, радикализм, национализм, украино-фильство, украинство, федерализм

Михаил (Михайло) Петрович Драгоманов (1841–1895) принадлежит к числу наиболее известных и значительных деятелей украинского национального движе-

© Тесля А. А., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-94-111

* Исследование выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ № МК-5033.2015.6 «Формирование украинского национализма: между Польшей и Москвой (1840–1900-е гг.)», а также международного научно-образовательного сотрудничества по программе «Иммануил Кант» по теме: «Федералистские проекты в истории русской и украинской общественной мысли XIX века», № 28.686.2016/ДААД.

ния 1870–1890-х гг.¹ — однако оценка его взглядов и политической роли по сей день остается весьма неоднозначной, вызывающей споры не только и не столько исторические, но и включенные в актуальный политический контекст. Подобное положение вещей обусловлено рядом обстоятельств, среди которых связанные преимущественно со спецификой фигуры самого Драгоманова и занимаемой им теоретической позицией. Первые можно отнести к числу «субъективных», зависящих от личных отношений в украинском национальном движении. Драгоманов был человеком не только сложным, но и тяжелым в общении, если оно задевало вопросы, имеющие общественное значение — а таковыми, кажется, он был готов считать едва ли не все. Уже ближе к концу жизни он вспоминал, как гр. А. С. Уваров, председательствовавший на Киевском (IV) археологическом съезде в 1874 г., говорил ему во время прогулки на пароходе по Днепру, что во враждебном отношении к себе тот во многом виноват своей манерой вести полемику: «Вам недостаточно разбить, вы хотите добить человека, показать, что он совсем дурак, даже тогда, когда и так видно уже, какой он» (Драгоманов, 1970б: 240, прим. 1). Не менее примечательно и то, что привел эти слова Драгоманов в 4-й статье «Австро-Русских воспоминаний» (1891) — одном из наиболее скандальных своих текстов, где сумел обидеть едва ли не всех, кто там упомянут, — что галичан, что надднепрянцев. Как обычно и бывает, сознание своих недостатков или понимание последствий своих поступков не способно побудить нас их исправить — а лишь сожалеть и продолжать действовать так, как нам свойственно.

Еще при жизни Драгоманова одни видели в нем «украинофила» и «сепаратиста», другие «москвофила» и изменника национальному делу — и споры эти спустя десятилетия только усилились. Для сторонников «интегрального национализма» он стал фигурой знаковой, воплощающей все то, что они считали пагубным в предшествующем национальном движении². Что касается советской историографии, то Драгоманов, пусть и с весьма критическими оценками со стороны В. И. Ленина³, оказывался фигурой близкой — в том числе и в силу того, что его понимание желательного решения национального вопроса вполне точно укладывалось в формулу «национального по форме и социалистического по содержанию» (см.: Лукеренко, 1965; Иванова, 1971).

Биография Драгоманова подразделяется на три основных этапа (см., напр.: Бутич та інші, 2001): до эмиграции, 1841–1876; первый период эмиграции, 1876–1889; и с 1889 до кончины в 1895 г., когда Драгоманов получил благодаря зятю, молодому

1. В России до сих пор единственными монографическими работами, посвященными специально Драгоманову, остаются два варианта биографического очерка, написанного Д. Заславским (Заславский, 1924, 1934).

2. См. весьма характерную в этом отношении работу Задеснянского (1980), первое ее издание вышло в 1946 г.

3. Последний характеризовал Драгоманова как «украинского мещанина», «который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии» (цит. по: Азадовский, 2013: 820).

болгарскому ученому Ивану Шишманову (Горбач, 2008: 89–90), приглашение на должность профессора Высшей школы в Софии (с 1904 г. получившей статус университета). Последний этап деятельности Драгоманова приходится на эпоху спада российского радикального и либерального движения. После оживления в первые годы царствования Александра III российский земский либерализм более чем на десятилетие находит прибежище в журнальных и газетных публикациях, избегая любых неофициальных организационных форм, российский же радикализм после 1881–1884 гг. был не только разгромлен полицейскими мерами, но и, что гораздо важнее, дискредитирован.

Эмиграция, которая в период 1870-х — начала 1880-х воспринималась как временная, в силу невозможности или неудобства вести аналогичную деятельность в пределах Российской империи, к середине 1880-х оказывается постоянной жизненной перспективой. К Драгоманову это относится еще в большей степени, чем к значительной части русской эмиграции — в частности, к таким фигурам, как П. П. Лавров или С. М. Степняк-Кравчинский, поскольку, в отличие от них, у него не было в эмиграции сочувственно настроенной аудитории (из числа русской молодежи и путешествующих за границей), ни интереса к украинским делам со стороны английских, французских или немецких изданий. Киевской «Старой Громаде» Драгоманов писал 8.II.1886:

Только не думайте, чтобы так уж легко было пролазить в европейскую прессу и еще и зарабатывать этим деньги. Прежде всего и здесь нужна протекция, реклама, — а от меня теперь воротят лицо некоторые даже из моих прежних приятелей из европейских писателей; для одних я «нигилист», для других *не-террорист*; есть и такие, что и сепаратизма сильно не любят. Не думайте также, чтоб так уж Европу интересовало все наше славянское, российское... У меня есть один приятель, Росс[ийский] революционер Степняк, который пишет для англичан и которому я немного помогал материалами и совета. Он действительно пишет немало и имеет с того заработок. Так он кроме того имеет талант писать *горячо* (которого я не имею) и без сильного скептицизма (которым меня бог наделил немало, на мое горе или счастье, не знаю), он сошелся с одним англичанином из *дельцов*, который помогает ему отдавать его работы, бесплатно и который всюду бегает, чтобы пристроить его писанья. Так и с ним так работают: давай книги про Россию, пока Афганский спор⁴ не кончился, а задержишься на неделю — не нужно! Может быть это и не хорошо, но я так не могу писать: у меня работа про Палия и Мазепу лежала 1½ года, пока я выписки из Цертелева искал, а теперь столько же жду вписки из «Поэт[ических] воззрений славян на природу»⁵, без которой я боюсь закончить статью про псевдославянский дуализм для «Revue historique des

4. Имеется в виду напряженный дипломатический конфликт между Российской и Британской империями в 1885 г., вызванный столкновением русских и афганских войск при Таш-Кепри (севернее Кушки) из-за разграничения между Афганистаном и Россией. Конфликт закончился осенью 1885 г. назначением англо-русской разграничительной комиссии, которая в 1887 г. установила русско-афгансскую границу на западе вплоть до Аму-Дарьи.

5. Афанасьев А.Н. Соч. 1-е изд. В 3-х тт. М., 1865–1869.

*Religions*⁶. И при всем [том] не думайте, чтобы Степняк много зарабатывал: едва выживает с женой и без детей. Научные же работы (которые я способнее всего писать) и тут не дают почти никакого заработка. Знаете, сколько заплатила редакция *Encyklopädie von Ernst und Gruber?* 43 марки, т. е. 45 франков за лист (а пишут там знаменитости), так что я за работу, над которой просидел 1½ месяца (не считая предшествующей подготовки), я получу 90 фр. *Maisonneuve* давал мне за томик песен и сказок по 10 фр. (десять!) за лист. (L. Leger⁷ за свои *Contes slaves* ed. Leroux ничего не получил; профессора здесь живут с наследственной ренты или с жалования, а книги — не учебники — пишут не для денег, а для того, чтобы пойти в гору у публики и на кафедрах.) *Фольклористские* журналы ничего не платят за статьи. Не только газеты, а что и *revue* непостоянным сотрудникам не платят ничего или очень мало. Из всего этого выходит, что если я писал и пишу про Украину на иностранных языках, то собственно для «службы», а не для «материальной поддержки». (Драгоманов, 1906: 166–167; Драгоманов, 1938: 276–277)⁸

Этот период оказался наиболее тяжелым в жизни Драгоманова — в бедноте (см.: Горбач, 2008: 88), потеряв не только русскую аудиторию (во многом отошедшую от него после выхода «Исторической Польши...»), но и украинскую⁹. «Старая Громада» писала Драгоманову в начале 1886 г.¹⁰:

Последнее десятилетие до такой степени изменило к худшему положение всех либеральных фракций, что, кроме поголовного уныния (конечно, выключая хрюканье торжествующих свиней) да когда-никогда проявления криков отчаяния, Вы не услышите ничего отрадного, и даже на лицах все не прочтете и намека на возможность каких бы то ни было ожиданий лучшего. Согласитесь, что при этих данных нет возможности с теми слабыми силами, какие имеются в наличии, пытаться продолжать выполнение программы, намеченной 10 лет назад. <...> Опыт всего протекшего десятилетия доказал нам, что все изданные Вами за кордоном книги, брошюры и статьи политического характера, рассчитанные на влияние их в России, дали такой минимальный плюс, что продолжать их при наличных условиях просто бесполезно. Вина в этом, конечно, не Ваша, а может быть, до известной степени, наша, но во всяком случае, не настолько, чтобы причины всех неудач приписать себе. Дело в том, что, не утаивая неприятного, должно сознаться, что совершенно не заметно воспитывающего влияния всех этих изданий среди людей молодых, или, вообще, хотя и зрелых летами, но пребывающих в положении

6. Выходил в Париже, с 1880 г.

7. Луи Леже (1843–1923) — видный французский славист, профессор College de France, автор весьма благожелательной рецензии на «Нові українські пісні про громадські справи (1764–1880)» М. Драгоманова (Женева: Типография «Работника» и «Громады», 1881).

8. Здесь и далее все переводы с украинского сделаны автором настоящей статьи.

9. Тяжелое состояние духа Драгоманова, ощущение бесполезности, безадресности его деятельности отразилось в письмах не только к близким, например к Ив. Франко (см.: Драгоманов, 1906: 126), но и к почти случайным знакомым. Так, одному петербургскому корреспонденту он писал на исходе 1885 г.: «И просить, чтобы писали. А то просто иногда хочется в Рону спрыгнуть, и все думаешь, что ты никому не нужен в обществе, а семье только вредишь, удерживая ее тут» (Драгоманов, 1906: 139).

10. Оригинал — на русском языке. Письмо написано рукой В. П. Науменко (Драгоманов, 1938: 423).

людей с ...¹¹ в голове. Читались они и производили некоторое впечатление на лиц, и без того уже более или менее подготовленных к таким воззрениям путем личных связей, бесед и пр. Конечно, если бы распространение этих изданий было широко, если бы они могли циркулировать на книжном рынке более свободно, можно было бы рассчитывать на иные результаты; но теперь, при слабом распространении их, они являются той роскошью, которая не выдержит бюджета (*sic!* — А. Т.) и явится совсем не по сезону. Не думайте, чтобы весь секрет заключался в более удачной перевозке этих изданий, что, следовательно, при большей энергии в этом отношении с нашей стороны, все дело может измениться. Право, если присмотреться к окружающему, то нетрудно увидеть, что нравственный гнет и результат его — апатия, далеко оставили за собой все те понятия об угнетенности, высшей степенью которой привыкли считать Николаевскую Русь. Там был бич, болезненно отзывающийся на теле, но оставлявший все-таки жизненные соки в человеке; теперь — нравственная петля, из года в год затягивающаяся сильнее и не дающая возможности не только свободно дышать, но которая, кажется, вскоре прекратит совсем это дыхание. Вот почему теперь нет надежды на то, чтобы усиленная перевозка политических брошюр и изданий могла создать новый круг сочувствующих людей. В то время, когда мы знаем, что не было на Руси такой образованной семьи, в которой не читались бы Герценовские издания, теперь бывают факты, что люди, которым даешь ту или другую книгу, через несколько дней приносят ее обратно, прося избавить от опасного издания,ющего повредить им в их непрочном положении. Опираясь на это, мы просим Вас принять наше прямое заявление, что теперь все подобные издания для нас бесполезны. (Драгоманов, 1938: 267–268)

То, что дипломатически было выражено в письме к Драгоманову, нашло более ясное и прямое отражение в дневнике А. Ф. Кистяковского за несколько предшествующих лет. Так, 27 марта 1883 года он писал:

На печатание «Громады» убухано 10 тыс. руб. «Громада» печаталась на малороссийском языке в Женеве. Проникала она в Киев и в Южную Россию в самом небольшом количестве экземпляров. Издавайся она даже в России, как нечто дозволенное, она все-таки была бы не пошла. Ныне огромные ее склады лежат в Женеве — и, вероятно, скоро будут проданы на пуды. Если бы правительство это знало и если бы оно относилось хладнокровно к подобным явлениям, оно бы не пороло горячки: поистине оно трусит напрасно закордонных затей. (Кістяківський, 1995: 407)

5 мая того же года, записывая разговоры на заседании «Старой Громады» предшествующим вечером, Кистяковский отмечал: «Поднят был вопрос о необходимости оказать Драгоманову поддержку денежную для продолжения печатания «Исторических песен малорусского народа». Я стоял на том, чтобы денег не давать на заграничные издания даже такого невинного характера, как исторические песни. Женевские издания, даже невинного содержания, для нас недоступны. Следова-

11. Пропуск в оригинале.

тельно, не подобает нам тратиться на издания таких сочинений, которые не имеют и не могут иметь распространения в России. Мы сами имеем много дела, у нас на очереди стоит издание малороссийского хронографа, и хроника XVII ст., и малороссийского Евангелия XVI стол[етия]» (Там же: 418).

В результате в 1886–1887 гг. оказалось зафиксировано полное расхождение Драгоманова со «Старой Громадой». Уже на письмо, пришедшее к нему в начале 1886 г., он отреагировал как на «чистую отставку», и хотя киевляне не хотели доводить дело до разрыва, Драгоманов радикализировал конфликт, в частности, придав своим ответам «Старой Громаде» полупубличный характер, ознакомив с ними своих галицийских единомышленников¹². Стремление не доводить дело по полного разрыва было, вероятно, обусловлено со стороны киевлян еще и тем соображением, что они пытались «приглушить» деятельность Драгоманова, поскольку в глазах правительства ассоциировались с ним, — а чем дальше, тем в большей степени их подходы по широкому спектру вопросов расходились: в итоге они оказывались испытывающими последствия как от своих собственных действий, которые не одобряли, а поскольку они не могли выступать от собственного имени, то и ясным образом дистанцироваться до Драгоманова им было затруднительно. Крайняя ограниченность возможностей поднепровских деятелей украинского национального движения в 1880-е годы вела к предсказуемой тройственной позиции:

- во-первых, очень скромной практической программе, «бесполитического культурничества», старательного избегания всего, что в глазах властей может представать как имеющее политические последствия¹³;
- во-вторых, к широким политическим фантазиям, не сдерживаемым «принципом реальности»¹⁴;

12. Письма Драгоманова «Старой Громаде» от 8.II.1886, IV.1886 и от 3–12.II.1887, сохранившиеся в архиве Ив. Франко, были впервые опубликованы им в собрании писем к нему Драгоманова (Драгоманов, 1906: 153–173, 211–220; 1908: 4–79) — и уже затем, с другой копии, сделанной племянницей Драгоманова, Л. П. Косач (в замужестве — Косач-Квитка, псевдоним: Леся Украинка), опубликованы в: Драгоманов, 1938.

13. Оценивая данную позицию, Драгоманов писал лидеру галицийских «народовцев» А. Барвинскому 30.VIII.1888: «Вот киевские украинфилы выдают себя за „бесполитических культурников“. (В России все не по-людски: были бескультурные народники и революционеры, а теперь бесполитичные культурники.)» (Возняк, 1930: 281).

14. Подобная позиция, избавленная от ответственности, отразилась в дневниках А. Ф. Кистяковского, вновь сближающегося с украинофильским киевским кружком и становящегося его деятельным членом по мере того, как тот все более удаляется от Драгоманова. Так, он пишет 22 августа 1880 г.: «Вспомнил о разговоре с [В.] Барвинским (в июле 1880 г. во Львове, на обратном пути в Киев из Карлсбада. — А. Т.) насчет будущей судьбы Малороссии. Я сказал ему: в немецких газетах в числе целей посещения Францем-Иосифом Галиции указывают на то, чтобы льготами, милостынями и вниманием к русским привлечь на свою сторону и малороссов русских. Я сказал, дикая и фантастическая идея. На это Барвинский заметил мне, отчего так? В этой мысли нет ничего странного и несбыточного. Малороссам чрезвычайно важно объединиться в одно целое, соединиться под одну державу. А под чьим владычеством им состоять? Это вопрос, на который следует отвечать: под владычеством той державы, которая расположена дозволить широкое развитие малороссийской народности во всяком отношении. Москва despотическая, завистливая, всепоглощающая и всепожирающая, готова задушить малороссийское племя. Австрия, напротив, и теперь даст возможность развиваться мало-

— в-третьих, к поддержке галицийской «народнической», т. е. национальной партии, как антироссийской и имеющей реальный политический вес, обеспечении условий для ее соглашения с польскими политиками, контролирующими Галицию, — так как украинско-польский конфликт неизбежно отбрасывал слабейшую, украинскую сторону в направлении Москвы.

Для того чтобы противодействовать русификаторским и централизаторским стремлениям в Российской империи, украинские националисты нуждались в соглашении с поляками, не имея ресурсов для борьбы «на два фронта» (что особенно ярко будет продемонстрировано в дальнейшем, в ситуации 1917–1921 гг.), а противостояние с поляками приводило автоматически к необходимости искать поддержки у Москвы (см.: Тесля, 2015). В итоге украинское национальное движение в пределах Российской империи к концу 1880-х, лишенное практически любых возможностей политического действия, оказалось склонно к радикализации националистического дискурса, мышлению в оптике катаклизма — поскольку только принципиальное изменение условий действия, а не какое-либо эволюционное развитие текущего положения, могло дать шанс к реализации поставленных целей.

Драгоманов, с одной стороны, получивший благодаря назначению в Высшую школу в Софии возможность передышки и некоторую обеспеченность, с другой — дистанцированный от текущей политики и в то же время связанный с новыми российскому племени, а в будущем, желая привлечь их споплеменников на свою сторону, готова будет еще более расширить. Вот вам программа для будущего политика.

Тогда я вспомнил, что когда-то, лет 18 тому назад, я слышал подобную мысль вскользь, мимолетом, не в смысле программы действия, а как философское рассуждение, высказанное Костомаровым. И подумал: что если бы услышали эту мысль российские полицействующие ученые, они бы записали меня навеки погибшим, только по одному тому, что я слушал эти мысли. Они бы навек записали меня в число лиц несерьезных» (Кистяковский, 1995: 252). А 2 марта в 1884 г. пишет, противопоставляя свой взгляд, «малую политику» «большой драгомановской» политике: «Нераздельность Малороссии с Великою Россиею должна лечь в основание малороссийской партии. Никакие соблазны извне, никакие притеснения внутри не должны отвращать нас от единства с нашим общим отечеством Россиею. Мы должны разделять общую нашу судьбу в полной надежде, что Россия выйдет рано или поздно на другую дорогу, на дорогу политической свободы и широкого развития» (Там же: 455). Поскольку для деятелей «Старой Громады» открыто более чем ограниченное поле деятельности, сосредоточенное преимущественно в области археологических интересов и украинского театра, то переход от одной крайности до другой в плане политических мечтаний не встречает затруднений — являясь радикальной реакцией на меняющуюся ситуацию. Так, записывая разговор у Лысенко 11 декабря 1883 г., Кистяковский отмечает: «я заметил, что поляки ухаживают теперь за украинцами, желая их задобрить на счет будущего их и нас присоединения к Австро-Венгрии. Мои собеседники, человек семь, выразили мысль, что было бы хорошо, если бы это осуществилось. Россия безнадежна относительно возможности возникновения свободных учреждений; она стонет и будет стонать под игом деспотизма; она по природе страна рабов, которые добровольно подставляют свою шею под ярмо самодержавной власти царя и его опричников. Австро-Венгрия — другое дело: там, несмотря на гнет польского господства, есть возможность развиваться свободе и усовершенствоваться национальности. С этим мнением я не согласился по следующим соображениям: народ русский я не считаю безнадежным в деле развития свободы и преуспевания прогресса; народ русский более демократический, чем польский, где шляхетство и иезуитизм свили такое гнездо, которое ничем не разрушить. Правда, ныне в Австро-Венгрии жить человеку лучше, вольготнее, но рано или позже настанет пора переворота и в России. С поляками жить я не желаю. Если бы в Киеве настало польское господство, я бы ушел в Россию» (Там же: 440–441).

российскими либералами и социалистами¹⁵, с надднепрянскими и галицийскими деятелями из молодого поколения (Б. А. Кистяковский, И. Франко, М. Павлик, О. Терлецкий и др.), рассматривал те же проблемы в иной перспективе. Дilemma «Москва vs. Варшава», в которой оказывалось замкнуто украинское национальное движение, на его взгляд, решалась через выход из этой дилеммы, поскольку в любом случае речь шла о столкновении двух больших интеграционных проектов, не предусматривавших никакого третьего (проблеме «третьего» и посвящено основное содержание «Исторической Польши...»). Альтернатива этим проектам в виде выдвижения еще одного не могла исходить от Украины, не являющейся самостоятельным политическим субъектом, не имеющей в любой обозримой перспективе достаточных ресурсов, чтобы им стать. Из этого вытекала необходимость предложить перспективу, достаточно привлекательную для других политических субъектов и совпадающую с украинскими интересами.

Поясняя свою позицию, Драгоманов писал в ответ «Старой Громаде» (3–12. II.1887):

Я всегда был социалистом (еще с гимназии, где мне дали прочитать Роб. Оуэна и С[ен-]Симона), но никогда не думал переводить на нас просто, стереотипно ни одну из чужих социалистических программ, а всего меньше р[оссийский] соц[иалистический] рев[олюционный] нигилизм, антикультурность которого мне всегда была противна, как и украинофильское гайдаматство, которое, собственно, одного корня с рос[сийским] нигилизмом, только что не имело его искренности, честного запала делать на деле то, что думает человек и говорит язык. (Драгоманов, 1908: 19)

В том же, одном из наиболее важных в политическом отношении из принадлежащих ему текстов Драгоманов настаивал на необходимости для Киевской «Громады» (в связи с ее контактами с галицийскими «народоцами») выработать какую-то единую позицию в отношении великоруссов и по отношению к российской культуре и государству (Там же: 31). И далее:

Требуется выбрать что-то одно: или политический сепаратизм с культурной войной, по примеру старого польского патриотизма, или без нее; или федерализм: далее нужно выбрать или политический консерватизм, по примеру старых украинофилов до Шевченко, или либерализм и т. д. <...> Если Вы не выберете себе формулы и не перескажете ее Галичанам, да с тем чтобы они держались ее логично, то за Вас выработают ее Галичане, которые, конечно, не зная Ваших обстоятельств и Ваших намерений, выберут формулу неподходящую, Вам же вредную, — и Вы будете в положении наихудшем, пото-

15. В частности, с И. М. Грэвсом, С. И. Щербатским — см.: Драгоманов, 1908: 233, 239. В 1905–1906 гг. редакция «Освобождения» издаст в Париже 2 тома «Политических сочинений» Драгоманова (это издание редактировал Б. А. Кистяковский, к тому времени перешедший от достаточно радикальных социально-демократических взглядов своей молодости к кадетскому социализму). В 1908 г. Кистяковский совместно с Грэвсом уже в России предпринял издание сочинений Драгоманова, остановившееся, правда, на 1-м томе.

му что не получите ни одной выгоды от молчания и все его невыгоды. (Там же: 32–33).

М. Павлику Драгоманов писал (5.VIII.1887) по поводу своего цитированного выше послания к «Старой Громаде»:

...я сильно охладел к судьбе моего письма, которое Вы так хлопочете переплатить на Украину. <...> А принципиальные речи в том письме я писал больше для себя, чтоб став на бумаге, не давили на мозг, чем для приятелей. <...> Если б можно было пустить письмо в широкую публику, то оно бы может и обратило кого до нашей программы. Да пустить его приятели не захотят, даже если бы то можно было. А их самих переубедить не посильно, потому что дело здесь не столько в принципах, сколько в инстинктах: человека перепуганного и бездеятельного как вы переубедите теориями действия? (Драгоманов, 1908: 101)

В последнем отношении Драгоманов заблуждался, не желая видеть обнаружившегося принципиального расхождения: для киевского кружка, как и для галицких «народовцев» на первом плане стояло национальное движение, тогда как Драгоманов мыслил национальное не имеющим самостоятельного значения, формой для иных стремлений. По тому, как он постоянно подчеркивал, «национальное» движение само по себе неопределенно, выступать за «Украину» и «украинское» означает быть униатом, православным или атеистом, какую позицию занимать по народному образованию и т. п. — противопоставление «национального» «социалистическому» трактовалась им как стремление загrimировать конкретные интересы, отождествив их с «национальными», без прояснения соотношения с последними. А. Ф. Кистяковский записывал в дневнике 2.III.1884:

Я настаиваю, чтобы украинофильству дано было направление исключительно практическое, местное, чуждое драгомановских увлечений. Следует все силы направить к тому, чтобы народное самопознание проникло во все слои, во все классы общества. Прозелетизм украинофильства должен сделаться первою и исключительною задачею. Драгоманов мечтал создать социалистическое, радикальное украинофильство. Я же думаю о создании украинофильства как национального сознания. Украинофилом должен быть каждый житель Малороссии. Землевладелец и домовладелец, фабрикант и ремесленник, купец и кабатчик, священник и учёный, педагог и народный учитель, арендатор и поселянин — все и каждый должен быть сознательным украинофилом. Украинофильство должно быть практическим. Каждый, работая в своей сфере, на своем поприще, на котором его поставила судьба, должен быть националистом. Это так называемая малая политика, в отличие от большой драгомановской политики. (Кістяківський, 1995: 455)

О том же, с иных, разумеется, позиций писал Драгоманов в письме к Ив. Франко от 5.V.1884 г.: «У украинофилов формальный национализм (по реакции на гнет

администрации) взял верх над исследованием обстоятельств социальной жизни народа» (Драгоманов, 1906: 51). Тому же корреспонденту 21.X.1887 он писал, характеризуя Антоновича, ключевую на тот момент фигуру «Старой Громады»: «А до наук им (т. е. украинцам. — А. Т.) трудненько приступиться, когда домашнее «самобытничество» опирается на авторитет наиразумнейшего и ученейшего человека, который сам некогда стал из Поляка Украинцем через Руссо и Прудона, а теперь „самобытность“ сеет. Того ради вновь скажу, что если Галичина не вывезет наше движение, то долго сидеть в болоте» (Драгоманов, 1908: 108–109).

Поясняя Ив. Франко свое понимание «народа» и отношения к нему, Драгоманов писал 14.V.1884:

...хорошо было бы, если б Галичане обошлись без того народнического мистицизма и идеализации, в который впали Россияне. Следует помнить, что все изобретения человеческие исходят из потребности приспособиться к условиям существования. Вот «народ», мужики в своих первых потребностях веками приспосабливались, — и, понятно, сделали много разумного, наряду с глупым, без которого нельзя было обойтись там, где простого приспособления было мало. «Интеллигенция» приспособилась во многом другом и собственным опытом, и наукой, — и противопоставлять ее «народу» — глупость. Правда, в России есть одно обстоятельство, которое дает преимущество «народу», т. е. селу перед интеллигенцией, — а именно: так как в России издавна нет политической свободы, то в России собственно нет города, есть полицейская будка, обставленная домами, в которых живут изолированные люди, тогда как село с общинными собраниями или хозяйством все-таки есть *societas*, от чего крестьянин «мужик» в России больше єщоν політікоу, чем горожанин, даже высококультурный. Но эта разница исходит не из самой сути «народа» и интеллигенции, а из несчастной истории Московщины. На плюс народа (то есть трудящихся людей, все равно, крестьян или горожан) следует записать и то, что потребность непрерывной работы поддерживает в них здоровый разум и взгляд на людские взаимоотношения. (Драгоманов, 1906: 52)

Наиболее полно поздние политические взгляды Драгоманова выразились в трех текстах: программе, написанной для журнала «Правда» в 1888 г.; «Мыслях Чудака об украинском национальном деле» («Чудацькі думки по українську національні справі»), 1891 г., и «Письмах на Надднепровскую Украину» («Листи на Наддніпрянську Україну»), 1893 г. Отметим характерное для Драгоманова этого времени сочетание компромиссности, умеренности политической программы и жесткости в ее отстаивании. Умеренность для него заключалась в исходной, достаточно широкой рамке, а не в способности эту рамку ситуативно отбрасывать, закрывать глаза на текущие разногласия. В политическом отношении Драгоманов был вполне «доктринером» — достигнуть с ним «рабочего компромисса» было куда сложнее, чем с людьми иных, куда более радикальных взглядов. При этом он старался проговаривать и прояснять свою позицию по весьма болезненным вопросам, не следя принципу, что иногда бывает лучше промолчать. Так что вполне

предсказуемым образом его идейное влияние на следующее поколение, начавшее входить в политику в 1890-е, оказалось намного сильнее непосредственного политического влияния.

«Чудацькі думки...» и «Листи...» последовательно нарушали сложившиеся, привычные линии политического разграничения — так, например, Драгоманов отстаивал не только невозможность свести «москофильство» к «ренегатству „погодинской колонии“», поскольку к подобной позиции подталкивают объективные обстоятельства¹⁶, но и отмечал, что «уже и теперь некоторые из москофилов начинают понимать важность экономических дел в смысле более или менее радикальном. Есть такие, которые понимают необходимость политических реформ в демократическом направлении, напр. всеобщего избирательного права. На поле культурном некоторые москофилы не совсем отрицают ценность народного языка, по крайней мере в литературе начальной» (Драгоманов, 1894: 138–139). Более того, именно клерикализм «москофилов» в столкновении с «народовцами» ведет к способности воспринять принципы «не только полной терпимости, но и отделения церкви от государства» (Драгоманов, 1894: 139–140).

Наиболее яркой демонстрацией изменения позиции Драгоманова служат его слова о «новом славянофильстве». Как известно, именно полемика со славянофилами (и Катковым) была его «специализацией» в «Санкт-Петербургских Ведомостях» во времена редакторства Е. Ф. Корша (см., напр.: Драгоманов, 1970а: 46–47), полемике со славянофилами, в первую очередь с Аксаковым, отведено изрядно места в «Исторической Польше...» (см., в частности: Драгоманов, 1881: 86–87). Спустя 12 лет он писал:

Несогласие между Украинцами и массою московских славянофилов, вероятно, наступило б, по мере того, как у последних развивались бы национально-государственные централистические мысли, которые сближали их с российскими централистами-бюрократами западнической школы, как Катков. Да все-таки теперь удивительно, коли вспомнишь, что столкновение между двумя славянофильскими школами в России вышло собственно за дело больше теоретическое, чем практическое, и что, после горячей ссоры, в конце и Костомаров и отчасти Кулиш пришли до мыслей в отношении украинской литературы не так далеких от тех, которые в 1862–63 гг. высказывали и Вл. Ламанский и Ив. Аксаков.

Теперь старое московское славянофильство потонуло в волнах бюрократически-реакционного централизма, от которого оно умело отстраниться. В теперешних славяноблаготворительных кругах не видно даже такого

16. «Первая причина — реакция на домашние обстоятельства, которые гнетут австрийских Русинов, а вторая — определенный аристократизм, который отрывает людей от мужества, среди других и с его этнографическими признаками, такими как язык» (Драгоманов, 1894: 135). Стремление части образованных слоев говорить на «общерусском» языке — однородно по типу со стремлением другой переходить на польский как признак и одновременно способ повышения социального статуса, так что в этом отношении выбор более близкого «общерусского» выступает как компромисс: во-первых, сохранить свою принадлежность к «народной общности» и, во-вторых, обозначить свою дистанцированность по отношению к простонародью.

Ореста Миллера, который все-таки благодушно плакал, что «южнорусским братьям» не вольно читать по-своему даже евангелия, и высоко ставил Шевченко. <...> Да все-таки кто знает? Может в России и возродится какое-то славянофильство разумнейшее, чем теперешнее славяноблаготворительство, и опять встанет хоть на точку Вл. Ламанского и Ив. Аксакова 1862 г. в деле украинской литературы. (Драгоманов, 1894: 131–133)

Преобладающий вариант украинского национального движения оценивался Драгомановым весьма критически по целому ряду оснований. Прежде всего он отмечал, что украинский национализм заимствует и воспроизводит устаревшую модель, «плаксивый романтизм» (Драгоманов, 1913: 50). Украинофильство возникло как одно из типичных для своей эпохи (перед 1848 г.) течений, «поддаваясь которому даже социалист Прудон сказал, что „Вольность — вещь кельтская, а деспотизм франкская (*la liberte est gauloise, le despotisme est franc*)“» (Там же: 37).

Но время не стояло [на месте]. После 1848 г. выявилось, что национальная идея сама по себе не является лекарством для всех бед общественных (пример не только Венгрии и Германии, но и самой Италии, где национальная идея тесно связана с общеевропейским либеральным движением), а времена-ми без других культурных идей может служить источником великих ошибок (например, союза славян с реакцией в Австрии); выявилось, что вопросы политические, культурные, социальные, имеют свои задачи, по крайней мере столь же важные, как и национальные и для которых национальности могут быть только почвой и формой вариаций. (Там же: 38)¹⁷

В программе «Правды» Драгоманов писал:

Мы — Русины-Украинцы — поделены между системами Российской и Австро-Венгерской, и считаем по крайней мере на текущий момент, если не на всегда, — совсем непрактичным сопротивляться этому разделению. *Мы признаем его за факт*, из которого мы должны исходить, стремясь улучшить нашу долю.

В этом разделении наибольшая часть (17/20) лежит в России. Здесь, значит, должна быть сделана наиважнейшая часть дела будущего нашего народа, нашей национальности. Только буйная фантазия, не знающая не только исторических и этнографических, но даже географических обстоятельств жизни нашего народа, может придумать такую вещь, как отделение от России всего

17. В письме к М. Павлику от 5.VIII.1887 Драгоманов высказывал аналогичные претензии персонально в адрес В. Б. Антоновича: «...киевская компания и всегда была не очень сильна со стороны теории: про членов ее можно было всегда сказать, что они люди доброго сердца и честные (не ташкентцы, как все обрусители в Киеве). А собственно разумный и сколько-нибудь образованный человек у них был и есть только один, В. Б. А[ntonovich]. Так то человек до болезненности боязливый, по принципу брехливый, а к тому же в последние годы совсем отставший от Европы даже научно (он все стоит на теории „национальных духов“ и „фактов“...)» (Драгоманов, 1908: 101). Ярким подтверждением этому служит вычитанный частным в 1895/96 уч.г. образом курс лекций «Про казацкие времена на Украине» (Антонович, 1991) — тем примечательнее, что вышедшая в новейшее время работа, посвященная взгляду В. Б. Антоновича, непосредственно продолжает данный подход (Білодід, 2011).

пространства нашего народу — до степей задонских и предкавказских. А с другой стороны всякий возможный без мировой катастрофы отрыв какой-то части нашей родины, чтобы присоединить его до какого-либо существующего или будущего государства, совсем не поможет ни нашему народу, ни нашей национальности. Исходя из этого реальная политика украинская в России должна исключать всякую мысль о государственном сепаратизме — и, значит, иметь своей целью только политическую реформу всего государства на основе областной и общинной автономии. (Возняк, 1930: 244).

Поясняя свою позицию в споре с Борисом Гринченко (1863–1910, выступавшим под псевдонимом «Вартовий»), Драгоманов пояснял, что он «собственно и на... сепаратизм никогда не „нападал“ принципиально, потому что не имею против него ничего с принципиальной стороны. В принципе не только всякая нация, или племя, имеет право на отдельное государство, но даже всякое село. <...> Если я выступал против разговоров про украинский сепаратизм, то собственно указывая, что это пустые разговоры, которые не имеют под собой никакого основания» (Драгоманов, 1894: 76).

Драгоманов исходил из ряда последовательных тезисов:

- невозможности образования независимого украинского государства без «мировой катастрофы»;
- в силу этого — возможности достижения украинских национальных целей только в рамках внутренней трансформации Российской империи и Австро-Венгрии;
- поскольку большая часть украинского народа живет и будет продолжать жить в Российской империи, то достижение желаемых условий существования возможно только на основе достижения согласия с великоруссами — т. е. такого переустройства, которое будет выгодно для всех основных сторон.

Привлекательной для всех формой переустройства Российской империи выступала в глазах Драгоманова федеративная программа с принципом территориального, а не национального деления. В этом на Драгоманова существенно повлиял европейский опыт — положительный пример Швейцарской федерации и отрицательный пример Австрии/Австро-Венгрии, с ее многолетними (с 1848 г. до начала XX в.) попытками выстроить федерацию на основе областных привилегий и преобладающих этнических групп. Осознание невозможности и/или нежелательности выстраивания этнически однородного пространства, острое внимание к проблеме меньшинств и связь этнического с сословным¹⁸ приводили Драгоман-

18. Именно украинский материал давал многое для такого рода наблюдений, нашедших краткое выражение в программе «Правды»: «...несчастливые исторические обстоятельства, которые привели к разделу нашего края между разными государствами, а что еще хуже: так поделили классы населения, что эти классы стали особыми национальностями, причем исходная русско-украинская национальность осталась почти только в земледельческом-демосе, наименее просвещенном. Через это разделение население русско-украинское, то есть подавляющее большинство населения нашего края, оказалось лишено своих образованных классов, которые относят себя то к польской, то к московской, то к венгерской, румынской или немецкой национальности и живут собственно интересами этих на-

нова к логике территориального, областного автономизма/федерализма, который противопоставлялся «размену централизмов и национальных гегемоний на мелкую монету, как то видим в разных националистах, а больше всего в австрийских» (Драгоманов, 1913: 133). Здесь видно существенное изменение позиции Драгоманова по сравнению с 1870–1880 годами, когда его усилия были направлены на полемику с «велико-» или «общерусским» движением. Теперь он принципиально разделяет две группы вопросов: роста и укрепления национального сознания и изменения политическо-административной системы.

Что касается первого, то Драгоманов подчеркивает — здесь союзниками украинского движения способны выступить все «негосударственные народы, которые, исключая Поляков, Немцев и Румын, а отчасти Грузин и Армян, суть нации племейские. Реальные условия жизни этих народов таковы, что и им политика сепаратизма так же мало следует, как и нам, и далеко лучше политика федерализма» (Драгоманов, 1913: 130). Иными словами, здесь вновь расходятся задачи украинского и польского национальных движений — польское стремится к образованию (восстановлению) независимого государства, в рамках которого окажется способно проводить собственную национальную политику (и политику полонизации) на государственном уровне, а украинское стремится избавиться от политики германизации/русификации/полонизации. Подобная задача не имеет шансов стать политикой «обще-» или «великоруссов», она является собственно украинским делом, тогда как изменение политico-административной системы — задача, которая может стать общей целью для самых разных групп. Тогда украинское национальное движение получит возможность осуществлять свои задачи, и их реализация будет зависеть от его состоятельности.

Таким образом, поздние политические тексты М. П. Драгоманова демонстрируют последовательность и устойчивость его основных положений, выработанных в 1870-х годах (см., напр.: Тесля, 2014).

Динамика его политических взглядов определяется возрастающим реализмом и умеренностью. Как писал в 1906 г. Ив. Франко, характеризуя настроения конца 1870-х — начала 1880-х, «социалистические идеи распаляли людей до фанатизма, при том же те идеи далеки были от той критичности, которую приобрели позднее. Маркс (и то лишь первый том) был евангелием, а то, чего не было в нем, дополнялось фантазией, чутьем. Великий социальный переворот мерецился всем наяву...» (Франко, 1906: VI). То, что верно для Франко, еще в большей мере верно применительно к Драгоманову, даже в период наибольшего увлечения социалистическими идеями, реализацию которых он мыслил как плод достаточно отдаленного будущего и неизменно придавал автономное значение политическим свободам и борьбе за их достижение.

Расхождение Драгоманова с «народовцами» и другими деятелями украинского национального движения, ставшее очевидным во второй половине 1880-х, было

национальностей, а затем и их земель, и совсем отделяются от интересов населения русско-украинского происхождения и ее края» (Возняк, 1930: 243).

обусловлено принципиальными разногласиями — в первую очередь тем, что «национальное» в системе представлений Драгоманова не выступало высшей ценностью. Так, в заметке для польской газеты «Львовский Курьер», пересланной им через Ив. Франко (1.X.1894), Драгоманов писал: «...должен сказать, что я несколько раз заявлял, что я совсем не украинофил, а лишь украинец, который имеет претензию быть на украинской почве либералом и социалистом, вроде, например, радикалов и социалистов английских. Даже не выходя за [пределы] Галиции можно видеть, что против моих идей, как против «космополитичных», ведут горячую полемику народовцы-украинофилы» (Драгоманов, 1908: 285–286)¹⁹, а в «Письмах...» принимал эту аттестацию для «украинских радикалов», к которым причислял и себя: те, кто зовут себя «Европейцами украинской нации» (Драгоманов, 1894: 197).

Литература

- Азадовский М. К. (2013). История русской фольклористики. В 2-х тт. Т. 2. М.: РГГУ.
- Антонович В. Б. (1991). Про козацькі часи на Україні. Із переднім словом про життя та діяльність В. Антоновича, із портретом автора, образами гетьманів та увагами д-ра Мирона Кордуби. К.: Дніпро.
- Білодід В. Д. (2011). Історіографія української етноментальності: В. Б. Антонович: Історіософські нариси / За ред. Н. П. Поліщук. К.: Вища школа.
- Бутич І., Купчинський О., Сорока Г., Сохань П. (Ред.). (2001). Михайло Драгоманов: документи і матеріали. 1841–1994. Львів: Наукове товариство ім. Шевченка.
- Возняк М. (1930). Драгоманов у відновленій «Правді». З додатком його листів до Ол. Барвінського й Ол. Кониського та й останнього до нього // За сто літ. Кн. VI. С. 229–330.
- Горбач Н. (2008). Справжній Михайло Драгоманов. Львів: Каменяр.
- Драгоманов М. П. (1881). Историческая Польша и великорусская демократия. Женева: Типография «Работника» и «Громады».
- Драгоманов М. П. (1894). Листи на Наддніпрянську Україну. Коломия: Друкарня М. Білоуса.
- Драгоманов М. П. (1906). Листи до Ів. Франка і інших. 1881–1886 / Видав Іван Франко. Львів: Накладом Українсько-Руської видавничої спілки.
- Драгоманов М. П. (1908). Листи до Ів. Франка і інших. 1887–1895 / Видав Іван Франко. Львів: Накладом Українсько-руської видавничої спілки.
- Драгоманов М. П. (1913). Чудацькі думки по українську національну справу. К.: Криниця.

19. Примечательно, что в дальнейшем Ив. Франко эту характеристику косвенным образом распространил на В. Б. Антоновича, характеризуя его в «Очерке украинской литературы» как человека, который «сделал очень много для обоснования того интеллигентного движения, что из украинофильского сделалось на самом деле украинским» (Франко, 1910: 146).

- Драгоманов М. П. (1938). Архив Михайла Драгоманова. Т. 1: Листування Київської Старої Громади з М. Драгомановим (1870–1895 рр.). Варшава: Український науковий інститут.*
- Драгоманов М. П. (1970а). Літературно-публицистичні праці. У 2 тт. Т. 1. К.: Нauкова думка.*
- Драгоманов М. П. (1970б). Літературно-публицистичні праці. У 2 тт. Т. 2. К.: Нauкова думка.*
- Задесненський Р. (1980). Национально-політичні погляди М. Драгоманова, їх вплив та значіння. Торонто: The Basilian Press.*
- Заславский Д. (1924). М. П. Драгоманов. Критико-биографический очерк. Киев: Соработкоп.*
- Заславский Д. (1934). М. П. Драгоманов (К истории украинского национализма). М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев.*
- Іванова Р. П. (1971). Михайло Драгоманов у суспільно-політичному русі Росії та України (II половина XIX ст.). К.: Вид-во Київ. ун-ту.*
- Кістяківський О. Ф. (1995). Щоденник (1874–1885). У 2 тт. Т. 2: 1880–1885 / Упорд. В. С. Шандра, М. И. Бутич, И. И. Глизь, О. О. Франко. К.: Наукова думка.*
- Лозинський М. (1917). Михайло Павлик. Його житте I діяльність. Віден: Накладом Союза Визволення України.*
- Лукеренко В. Л. (1965). Світогляд М. П. Драгоманова. К.: Наукова думка.*
- Тесля А. А. (2014). Народнический национализм Михаила Драгоманова (1860-е — 1-я пол. 1880-х гг.) // Вопросы национализма. № 3 (19). С. 152–164.*
- Тесля А. А. (2015). Соперник «большой русской нации». Украинское национальное движение второй половины XIX — начала XX века // Вопросы национализма. № 1 (21). С. 91–103.*
- Франко І. (1910). Нарис історії українсько-руської літератури. До 1890 р. Львів: Накладом Українсько-руської видавничої спілки.*
- Франко І. (1906). Передне слово // Драгоманов М. П. Шевченко, українофіли й соціалізм. Львів: Накладом Українсько-руської видавничої спілки. С. III–XI.*

The National-Political Views of M. P. Dragomanov in 1888–1895

Andrey Teslya

Associate Professor, School of Social Studies and Humanities, Pacific National University
Address: Tihookeanskaya Str., 136, Khabarovsk, Russian Federation 680035
E-mail: mestr81@gmail.com

Mykhailo Drahomanov's political views are of considerable interest from the standpoint of the historical studies of Ukrainian national movement in the last quarter of the 19th century, relations of national movements with each other and with the imperial center. It may also be relevant for

the theoretical comprehension of «nationalism» with regards to the analysis of current events. Drahomanov was not merely an active politician but also an ideologist who aimed to elaborate the theoretical framework to justify and to describe objectively his own activities and the activity of his allies and antagonists. Being the ideologist of Ukrainian «radicalism» (i.e. socialism) from 1870s, by the fall of 1880s Drahomanov found himself in an ideological confrontation – this time not with the Great Russian/Pan-Russian nationalists, imperialists and Polish nationalists – with the Ukrainian national movement itself. In the end of the 1880s-beginning of the 1890s Drahomanov published a series of works which explained his understanding of the «national» and the prospects of the «Ukrainianism». Through the consideration of the separatist attitudes he insisted that there were no conditions of the emergence of the independent Ukrainian state without «the universal disaster». Hence, the aim of the Ukrainian movement is to change the political and administrative orders of the existing states. To do this they needed to propose attractive solutions for the majority of other participants of the political life. According to Drahomanov, for the Russian Empire it could be a federative reconstruction, which will give the opportunity to fulfill the national purposes on the local level regarding the power and maturity of national and/or local movements. These concerns, as he assumed, might be of interest not only to «plebeian nations», but also to the Great Russian population.

Keywords: Mykhailo Drahomanov; radicalism; nationalism; ukrainophilia; ukrainianism; federalism.

References

- Azadovsky M. (2013) *Istorija russkoj fol'kloristiki. T. 2* [The History of Russian Folkloristics, Volume 2], Moscow: RGGU.
- Antonovych V. (1991) *Pro kozac'ki chasy na Ukrayini* [On the Cossack Times in Ukraine], Kyiv: Dnipro.
- Bilodid V. (2011) *Istoriografija ukraїns'koї etnomenital'nosti: V. B. Antonovych: Istoriosofs'ki narysy* [The Historiography of Ukrainian Ethno-mentality: V. B. Antonovych: The Historiosophical Essays], Kyiv: Vyshha shkola.
- Butych I., Kupchyn's'k O., Soroka G., Sokhan P. (eds.) (2001) *Myhajlo Dragomanov: dokumenty i materialy. 1841–1994* [Mykhailo Dragomanov: Documents and Materials, 1841–1994], Lviv: Naukove tovarystvo im. Shevchenka.
- Dragomanov M. (1938) *Arhyv Myhajla Dragomanova. T. 1: Lystuvannja Kyїvskoi Starої Gromady z M. Dragomanovym (1870–1895 rr.)* [The Archive of Mykhailo Dragomanov, Volume 1: The Correspondence of the Stara Hromada with M. Dragomanov (1870–1895)], Warsaw: Institute of Unkrainian Studies.
- Dragomanov M. (1970) *Lyteraturno-publycystychni praci. T. 1* [The Literary and Publicist Works, Volume 1], Kyiv: Naukova dumka.
- Dragomanov M. (1970) *Lyteraturno-publycystychni praci. T. 2* [The Literary and Publicist Works, Volume 2], Kyiv: Naukova dumka.
- Dragomanov M. (1913) *Chudac'ki dumky po ukraїns'ku nacional'nu sprawu* [The Odd Thoughts on the Ukrainian National Work], Kyiv: Krynycja.
- Dragomanov M. (1908) *Lysty do Iv. Franka i inshyh. 1887–1895* [Letters to I. Franko and Others. 1887–1895], Lviv: Nakladom Ukraїns'ko-rus'koї vydavnychoї spilky.
- Dragomanov M. (1906) *Lysty do Iv. Franka i inshyh. 1881–1886* [Letters to I. Franko and Others. 1881–1886], Lviv: Nakladom Ukraїns'ko-Rus'koї vydavnychoї spilky.
- Dragomanov M. (1894) *Lysty na Naddniprjans'ku Ukraїnu* [Letters to the Middle-Dnieper Ukraine], Kolomyja: Drukarnja M. Bilousa.
- Dragomanov M. (1881) *Istoricheskaja Pol'sha i velikorusskaja demokratija* [The Historical Poland and the Great Russian Democracy], Geneve: Tipografija "Rabotnika" i "Gromady".
- Franko I. (1906) *Perekopne slovo* [Preface]. Dragomanov M. P. Shevchenko, ukrai'nofily i socijali'zm [Shevchenko, Ukrainianophiles and Socialism], Lviv: Nakladom Ukraїns'ko-rus'koї vydavnychoї spilky, pp. III–XI.
- Franko I. (1910) *Narys istoriї ukraїns'ko-rus'koї literatury. Do 1890 r.* [The Sketch of the History of Ukrainian-Russian Literature. Up to 1890], Lviv: Nakladom Ukraїns'ko-rus'koї vydavnychoї spilky.

- Gorbach N. (2008) *Spravzhnij Myhajlo Dragomanov* [The Real Mykhailo Dragomanov], Lviv: Kamenjar.
- Ivanova R. (1971) *Myhajlo Dragomanov u suspil'no-politychnomu russi Rosii' ta Ukrayini (II polovyna XIX st.)* [Myhajlo Dragomanov in the Socio-Political Movement in Russia and Ukraine (Second Half of the 19th Century)], Kyiv: Kyiv University Press.
- Kistjakivsk'ky O. (1995) *Shchodennyk (1874–1885). T. 2: 1880–1885* [The Diary (1874–1885), Volume 2: 1880–1885], Kyiv: Naukova dumka.
- Lozyn's'ky M. (1917) *Myhajlo Pavlyk. Jogo zhytte i dijal'nist'* [Mykhailo Pavlyk: His Life and Work], Vienne: Nakladom Sojuza Vyzvolennja Ukraїny.
- Lukerenko V. (1965) *Svitogljad M. P. Dragomanova* [The Worldview of M. P. Dragomanov], Kyiv: Naukova dumka.
- Teslya A. (2014) Narodnicheskij nacionalizm Mihaila Dragomanova (1860-e — 1-ja pol. 1880-h gg.) [The Narodnik Nationalism of Mikhail Dragomanov (the 1860s — First Half of the 1880s)]. *Voprosy natsionalizma*, no 3, pp. 152–164.
- Teslya A. (2015) Sopernik "bol'shoj russkoj naci": ukraïnskoe nacional'noe dvizhenie vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka [The Rival of the "Big Russian Nation": The Ukrainian National Movement in the Second Half of 19th and Beginning of the 20th Centuries]. *Voprosy natsionalizma*, no 1, pp. 91–103.
- Voznjak M. (1930) Dragomanov u vidnovlenij "Pravdi" [Dragomanov in Renewed "Pravda"]. *Za sto lit*, vol. 4, pp. 229–330.
- Zadesnians'ky R. (1980) *Nacyonal'no-politychni poglady M. Dragomanova, ih vplyv ta znachinnja* [The National-Political Views of M. Dragomanov: Their Influence and Legacy], Toronto: The Basiliian Press.
- Zaslavsky D. (1934) *M. P. Dragomanov (K istorii ukraïnskogo natsionalizma)* [M. P. Dragomanov (Towards the History of Ukrainian Nationalism)], Moscow: Izdatelstvo Vsesojuznogo obshhestva politkatorzhan i ssyl'no-poselecev.
- Zaslavsky D. (1924) *M. P. Dragomanov. Kritiko-biograficheskij ocherk* [M. P. Dragomanov: The Critico-Biographical Sketch], Kiev: Sorabkop.